

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 355.48

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.191-215

АРМЯНСКОЕ ВОЙСКО В ЭПОХУ ЮСТИНИАНА И МАВРИКИЯ: ОТВЕТ НА ПСЕВДОКРИТИКУ

А.М. Айвазян

*Научно-исследовательский институт древних рукописей
Матенадаран им. Месропа Маштоца, г. Ереван, 0009, Армения*

Аннотация

В полемической статье рассматриваются положения трех негативных рецензий на книгу автора «Армянское воинство в Византийской империи: конфликт и альянс при Юстиниане и Маврикии» (на англ. яз.), написанных Эвереттом Л. Уилером, Х.Г. Макрипулиасом, Н.Д. Барабановым и Г.Г. Маркаряном. На основе подробного анализа выявляется необоснованность, низкий профессиональный уровень и крайняя тенденциозность представленных ими критических замечаний. Рецензентов объединяет единая методология фальсификации истории, включающая среди прочего преднамеренные измышления, искажения сведений первоисточников, игнорирование научной литературы и подмену понятий, а также полное отрицание патриотического нарратива. Во всех указанных отзывах просматривается антиармянская политико-идеологическая направленность. В статье также вкратце представлены положительные рецензии профессиональных специалистов на ту же книгу.

Ключевые слова: фальсификация истории, Византийская империя, Сасанидская держава, Великая Армения, армянское воинство, армянская историография, император Юстиниан, император Маврикий, патриотизм, национализм, «Стратегикон»

Введение

Моя книга «Армянское воинство в Византийской империи: конфликт и альянс при Юстиниане и Маврикии» (на англ. яз.) впервые вышла в свет в 2012 г. [1]. В 2014 г. она была переиздана в расширенном виде [2], а до этого, в 2013 г., на основе предварительной рукописи второго издания была опубликована ее французская версия [3]. Эта небольшая монография (далее «Воинство») удостоилась внимания зарубежных историков, сразу же получив целый ряд положительных рецензий на английском, французском, немецком и русском языках [4–11]. Рецензентами выступили известные специалисты по военной истории Древнего Рима, Византийской империи и Сасанидского Ирана итальянец Раффаэле д'Амато, фин Илкка Сивянне, россиянин Владимир Дмитриев, британец

Ян Хьюз, канадец Каве Фаррох, а также немецкий медиевист Петер Хальфтер и, наконец, патриарх французского арменоведения, академик Жан-Пьер Маге¹.

В то же время появились и отрицательные отзывы под авторством профессора Дюкского университета Эверетта Л. Уилера [12], греческого византиниста Х.Г. Макрипулиаса [13], а также выступивших совместно доцента-византиниста Н.Д. Барабанова и магистранта Г.Г. Маркаряна [14] из Волгоградского государственного университета. В настоящей статье речь пойдет об обоснованности, профессиональном уровне и научной добросовестности этих трех рецензий.

О псевдокритике Уилера

Хронологически первым с отрицательными оценками выступил Эверетт Л. Уилер (далее Уилер) [12]. На английском языке я уже обстоятельно ответил на все без исключения его критические замечания [15]². Тем не менее необходимо в сокращенном виде сделать то же самое и на русском, поскольку некоторые «концептуальные» тезисы из его рецензии послужили основой для более поздних отзывов Х.Г. Макрипулиаса, а также Н.Д. Барабанова и Г.Г. Маркаряна [14, с. 156].

Итак, в своем двухстраничном тексте, опубликованном в американском журнале “The Journal of Military History”, Уилер охарактеризовал мою книгу как «дилетантскую», являющуюся образцом «“старой [школы] военной истории” в одной из ее худших форм»³, с проявлениями презентизма, чрезмерно умозрительными реконструкциями военных кампаний, «курьезной диатрибой» и т. п. [12, р. 319–320]. Меня же отрекомендовал как представителя «выделившейся с 1991 г. супернационалистической ветви армянской историографии» [12, р. 319]. Ниже мы попытаемся выяснить, насколько справедливы эти обвинения Уилера.

А читал ли Уилер книгу? В выходных данных «Воинства», представленных в рецензии Уилера, указывается, что книга вышла в свет в «Глендейле, Калифорния» (“...Glendale, Calif.: Editions Sigest, 2012...”). На самом деле, «Воинство» было напечатано не в калифорнийском Глендейле – в США, а в парижском Альфорвилле – во Франции! Слов «Глендейл» и «Калифорния» в книге не найти. Каким образом, где и почему эти слова привиделись Уилеру, остается неразрешимым вопросом. Возникает законный вопрос: а держал ли он вообще в руках рецензируемую им книгу (если еще и учесть, что ссылок на страницы в его рецензии нет)? Как далее станет ясно, эти странные небрежности – лишь первые признаки непрофессиональности рецензии Уилера.

О национализме и армянской историографии. Уилер пишет: «Идеалистический взгляд на Древнюю Армению (которая отождествляется, очевидно, с нынешней Республикой [Армения]) и армянскую культуру лежит в основе нарратива, в котором лидеров повстанцев вдохновляют патриотические устремления к независимости и автономии, а не личные мотивы, о которых сообщает Проконий [Кесарийский]» [12, р. 319].

¹ Обширную положительную рецензию написала и французский политолог, доктор юридических наук Анни Кригер-Криницки [9].

² Краткая версия этого ответа была опубликована также в журнале “The Journal of Military History”, в разделе «Письма к редактору» (July 2013. V. 77, No 3. P. 1207–1210).

³ Здесь и далее перевод наш. – А.А.

Предположение о том, что в «Воинстве» нынешняя Республика Армения каким-то образом отождествляется с Древней Арменией, является надуманным и никак не аргументируется автором рецензии. Каких-либо критериев для проверки правдивости своих слов Уилер, естественно, не предлагает. Да и непонятно, хочет ли он сказать, что в «Воинстве» нынешняя Республика Армения отождествляется с Древней Арменией территориально или, возможно, по ее государственному устройству? Или, может, он подразумевает, что книга идеализирует нынешнюю Республику Армения, серьезные социальные изъяны которой, кстати, автор «Воинства» не раз критиковал на протяжении последних двух десятилетий, (см., напр., [16, с. 5–6, 25–51])? На страницах же «Воинства» ни разу не упоминаются ни «Республика Армения», ни даже слово «Республика», не говоря уже о каком-либо антиисторическом проецировании современных реалий на VI в. Вновь возникает тот же вопрос: читал ли и видел ли вообще Уилер книгу, которую взялся рецензировать? Или, по меньшей мере, удосужился ли он ознакомиться с имеющейся в ней картой, на которой территория современной Республики Армения отнюдь не обозначена?

Уилер целиком и полностью отрицает, что в 538–539 гг. у армянских повстанцев были «патриотические устремления к независимости и автономии». Они, утверждает он, действовали, исходя только из своих «личных побуждений». Однако в восстании этнорелигиозной группы, которая к тому же компактно проживает на земле своих предков и имеет вековые исторические традиции вооруженного сопротивления внешним силам, личные мотивы неразрывно связаны с коллективными: политическая мобилизация армянских повстанцев и их яростное выступление против имперской политики не могли состояться без политико-идеологической, патриотической составляющей независимо от того, насколько она была сопряжена с личными материальными побуждениями руководителей и рядовых участников восстания.

Более того: «патриотические устремления» древних и средневековых армян, в том числе знати и духовенства, во множестве засвидетельствованы в письменных исторических источниках. В классической армянской литературе, в особенности в ее огромной историографии начиная с пятого века, патриотизм армян представлен более чем наглядно и ярко, в частности, в описаниях многочисленных войн и сражений за независимость и свободу. Голословное отрицание со стороны Уилера общеизвестной и академически признанной истины указывает лишь на его неосведомленность в этом вопросе. В противном же случае многих западных историков также следовало бы заклеить как представителей, по Уилеру, «выделившейся с 1991 г. супернационалистической ветви армянской историографии». Среди таких ярких армянских националистов оказался бы, к примеру, крупнейший специалист по ранневизантийской военной истории, профессор Чикагского университета Вальтер Каеги, который писал о «стремлении армян к местной автономии», об их «упорстве в сохранении армянской самобытности», о том, что «ни в одном другом регионе Византийской империи... у местных жителей не было традиции быть настолько хорошо вооруженными и склонными полагаться на самих себя, свои собственные клановые группировки и знать», и что как арабам, так и византийцам приходилось принимать во внимание «непреклонность и суровый нрав армян» [17, p. 189,

198, 202]⁴. Эти цитаты приводятся в «Воинстве» [1, р. 107], но Уилер их либо не читал, либо решил проигнорировать.

Впрочем, задолго до В. Каеги аналогичные выводы делались не где-нибудь, а в ведущих западных энциклопедиях. Так, еще в 1967 г. «Американская энциклопедия», перечисляя «факторы, способствовавшие развитию сильного чувства [армянского] национального самосознания за столетия до его появления на западноевропейской арене», подчеркивала, в частности, что «мученичество Вардана Мамиконяна [451 г. н. э.] предоставило Армении национального героя, еще более усилив чувства армянской обособленности, уверенности в собственных силах и этноцентризм» [18, р. 332]. Точно так же, в 1984 г. «Новая британская энциклопедия» писала о «сильно честолюбивом армянском народе», «сохранившем неистово независимый дух» (*retained a fiercely independent spirit*) с древних времен до современного периода, а «армянский национализм» упоминался как один из факторов, затруднявших управление Арменией арабами в VII в. [19, р. 1039, 1042].

Ряд вопросов древней и средневековой армянской идентичности, включая языковой национализм и систему ценностей профессионального воинства царства Великая Армения в IV – V вв., был проанализирован в других моих исследованиях, проведенных, кстати, в полном соответствии с современной научно-теоретической мыслью в данных областях и на основе армянских и иноязычных источников [20–23]. Соответствующие ссылки на эти исследования в «Воинстве» есть. Уилер, вместо того чтобы их как-то оценить либо опровергнуть, идет путем их игнорирования и штампования политических ярлыков.

С другой стороны, если следовать логике Уилера, то предлагаемая им дата активации «суперационалистической ветви армянской историографии» – 1991 г. (то есть с момента обретения Арменией своей новейшей независимости) – должна быть отодвинута назад не менее чем на шестнадцать столетий, поскольку, как уже отмечалось, патриотическая («националистическая») тематика и идеология были ярко выражены еще в классической армянской литературе. Один из столпов американского арменоведения, профессор Колумбийского университета Нина Гарсоян даже осуждает классических армянских авторов за... «идеализацию» Армении (за то же, за что Уилер беспричинно ополчается на современного автора «Воинства»!): «Картина, нарисованная Павстосом Бюзандом или Мовсесом Хоренаци, отражает их собственные идеалы – единую, объединенную Армению, противостоящую угрозе зороастрийской Персии. Они говорят об едином царстве, часто предаваемом отдельными вероломными нахарами... Они подчеркивают единство армянской церкви, даже когда это приводит их к противоречиям. Они игнорируют глубокое иранское влияние на армянское общество и институты...» [24, с. 55–56].

Как ясно из этих выдержек, в отличие от Уилера, Н. Гарсоян признает «патриотические устремления к независимости и автономии» ярчайших представителей

⁴ Вот эти оценки В. Каеги в оригинале: "...Impulse to local autonomy"; "will to remain distinctively Armenian", "in no other region of the Byzantine Empire... did the local inhabitants have a tradition of being so well armed and prone to rely on themselves and their own family groupings and notables"; "intractability and formidable character of the Armenians"; см. также всю отдельную главу, озаглавленную "Byzantium, Armenia, Armenians, and early Islamic conquests" [17, р. 181–204].

интеллектуальной элиты древних армян. Вместе с тем, однако, будучи одной из главных сторонниц гипотезы о почти полной иранизации древней Армении, Н. Гарсоян находится в противоречии не только с Бузандом и Хоренаци, но и со всем обширным корпусом классической армянской историографии относительно социально-культурной структуры древнеармянского общества, в действительности глубоко отличавшегося от иранского.

Об «иранизации» Армении. Именно этот несостоятельный гарсояновский тезис об иранизации Армении подводит Уилера к обнаружению следующего убийственного недостатка в «Воинстве». Оказывается, там «ничего не было сказано об иранизации Армении посредством династии парфянских Аршакидов (66–428)» [12, р. 319].

Но с какой стати было заводить речь о гипотетической «иранизации» Армении в книге, посвященной важным аспектам армяно-византийских военных отношений *шестого* века?! Упрек Уилера напоминает советское идеологическое условие обязательного цитирования К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина во всех научных трудах, независимо от их предмета.

Я никогда и не подписывался под бездоказательными утверждениями об «иранизации Армении». Эта искусственно раздутая теория тем более ошибочна применительно к историческому периоду между четвертым и шестым веками нашей эры. Вот лишь некоторые из моих возражений.

1. Начиная с 224 г. н. э., когда Сасаниды свергли власть парфянских Аршакидов, армянские цари из династии Аршакидов вступили в долговременный конфликт с новыми правителями Ирана. В третьем, четвертом и пятом веках между царством Великая Армения и Сасанидской державой велись частые кровопролитные войны.

2. Армения приняла христианство в начале четвертого века, в то время как в Иране государственной религией был зороастризм вплоть до исламизации в седьмом веке.

3. Армянский язык полностью доминировал на территории всей Армении еще задолго до эры Христа, о чем свидетельствует Страбон, фиксируя ситуацию в начале II в. до н. э.: «Все они говорят на одном и том же языке» (STRABO, XI.14.5, с. 498), а также [25, с. 15].

4. В 405 г. была создана армянская письменность на основе оригинального алфавита, что почти сразу же привело к бурному развитию национальной литературы во многих жанрах.

В результате, в IV – VI вв. н. э. Армения в социально-культурном измерении отличалась от Ирана по языку, религии, литературе, праву, системе образования, архитектуре, музыке и многим другим аспектам. Короче говоря, требование категорического признания иранизации Армении в рассматриваемый исторический период является укоренившимся идеологизированным заблуждением, вернее – околонульным предрассудком. Да и в более ранний исторический период имевшее место довольно сильное иранское влияние на Армению отнюдь не сводилось к культурной «иранизации», но это уже тема для другого обсуждения.

О Второй части «Воинства». Вторую часть «Воинства» – «Об имперских предрассудках и целесообразном упущении армян в “Стратегиконе” Маврикия» [1а, р. 95–113] – Уилер клеймит, именуя не иначе, как «курьезной диатрибой».

Такая безапелляционная формулировка выведена на основе единственного аргумента, заключающегося в том, что «во времена [императора] Маврикия римская территория включала три четверти Армении» [12, р. 319].

Между тем, как это наглядно продемонстрировано в «Воинстве», в VI в. армяне были как реальными, так и потенциальными врагами Византии. Уилер «не заметил» три армянских восстания в период правления Маврикия (582–602), одного упоминания о которых должно было быть достаточно, чтобы доказать это. Он также не ведает о том, что крупные армянские воинские силы из Персармении (персидской части Армении) продолжали сражаться с византийцами в качестве вассалов Сасанидов. К тому же три четверти Армении находилось под контролем Империи лишь с 591 по 602 гг., в то время как до этого контроль над большей частью территории Армении осуществлялся в основном со стороны именно персидской державы.

Более того, рецензент игнорирует армянские письменные источники, в частности «Историю» епископа Себеоса (VII в.), в которой устами Маврикия армянские военные силы, находящиеся в самой Армении (причем как в персидской, так и в византийской ее частях), дословно квалифицируются как вражеские по отношению к его Империи [1, р. 101–102]. Уилер отказывается видеть явные проявления обоюдной враждебности между проживающими в византийской Армении армянами и самой Империей. Между тем во Второй части «Воинства» все указанные вопросы и обстоятельства обсуждаются с привлечением соответствующих источников и научной литературы.

Примечательно, что этот раздел книги был высоко оценен другими исследователями. В своем обзоре «Воинства» Ян Хьюз, автор книг «Велисарий: последний римский полководец» (2009) и «Аэций: Немезида Аттилы» (2012), оценивает Вторую часть моей книги как «чрезвычайно интересную и проницательную», предупреждая в то же время о том, что «прежде чем формулировать о ней какие-либо суждения необходимо прочесть этот раздел полностью, поскольку выводы представлены в самом конце» [5, р. 55]. А это как раз то, чего не сделал Уилер.

Высоко оценивает результаты анализа, представленные во Второй части «Воинства», и автор ряда объемных монографий о позднеримской и ранневизантийской военной истории, заместитель председателя Финского общества византийских исследований Илкка Сивянне, который, в частности, замечает: «Во втором эссе предложен убедительный набор причин, по которым армяне были исключены из списка врагов в “Стратегиконе”. В процессе исследования вскрываются также глубоко укоренившиеся в Римской империи культурные предрассудки. На основании этих выводов легко также понять, почему и арабы не попали в тот же список. Выдвинутые здесь оригинальные вопросы позволяют автору четко выявить преемственность и взаимодействие между римской и византийской традиционной политикой против независимого или автономного статуса Армении, с одной стороны, и этнической предубежденностью против армян в римском и византийском обществе – с другой. <...> После прочтения анализа Айвазяна становится совершенно ясно, что главным источником военной эффективности армянских князей и их дружин являлся их крайне независимый характер. Это, в свою очередь, могло подвигнуть римское правительство

на враждебные и контрпродуктивные меры с целью подавления их традиционно самодостаточного духа, о чем свидетельствует непродуманный проект Маврикия по перемещению армянского воинства из Армении на Балканы» [1, p. 11].

Тот же раздел «Воинства» в качестве отдельной статьи был предварительно опубликован на русском и английском языках в таких авторитетных журналах, как «Вестник Московского университета» [26] и “Medieval Warfare” [27], редакции и анонимные рецензенты которых, в отличие от Уилера, посчитали представленный мною материал отвечающим критериям научной новизны и значимости исследования.

О «старой военной истории», «презентизме» и современной терминологии. Чтобы поддержать свое утверждение о том, что «Воинство» является образцом «“старой [школы] военной истории” в одной из ее худших форм, характеризующихся презентизмом и чрезмерно умозрительными реконструкциями кампаний», Уилер в скобках предлагает два кратко сформулированных примера: «политическое убийство [представлено] как “спецоперация”, а смерть [византийского военачальника] Ситты в битве [против армян] как запланированная операция “элитных командос”» [12, p. 319].

Разумеется, не все политические убийства можно квалифицировать как «спецоперации», а лишь те, в которых присутствует ряд характерных признаков: первоначальное тайное планирование и осуществление убийства высококвалифицированным военным подразделением, использующим нетрадиционную тактику и боевые навыки. При проведении подобных операций важную роль играют также неожиданность, скрытность, самодостаточность, быстрота, а иногда и специальные средства. *Все* эти элементы были использованы в ходе операции по ликвидации «тирана Ливии» (Византийская Африка) Гонтариса, которую осуществил армянский отряд под командованием Артавана (Артабанес) в мае 546 г. В «Воинстве» представлен детализированный анализ этой операции на основе сведений Прокопия Кесарийского [1, p. 26–30, 86–90]. Следовательно, характеристика этого убийства как «спецоперации», на наш взгляд, обоснована и правомерна.

Профессиональные историки практиковали разумное применение современной терминологии к древним и средневековым реалиям всегда и во всех сферах человеческой деятельности. Если рассматривать только военно-политико-разведывательные сферы, то исследователи военного дела в Древнем мире и Средневековье все чаще используют множество современных терминов, включая такие, как, например, политика выжженной земли, партизанская тактика, иррегулярная война, противоповстанческие действия, психологическая война, тактическое планирование, стратегическое консультирование, общественная пропаганда, шпионаж, секретные мероприятия, тайные операции, действия политического влияния, операции военизированных формирований, действия по влиянию на политические партии и т. д. (см., например, [28]). Термин же «специальные операции», который вызвал у Уилера такое раздражение, стал недавно названием и главной темой солидной академической книги о средневековой войне [29]. В этой связи уместно также привести доводы Р.М. Шелдон, главы исторического факультета Военного института Вирджинии (где, кстати, и издается “The Journal of Military History”, поместивший рассматриваемую рецензию

Уилера): «У древних, безусловно, не было нашей технологии, и они редко использовали ту же терминологию... Однако использование термина типа HUMINT (=агентурная разведка. – А.А.) не является неточным при описании сбора разведывательной информации с помощью шпионов. Шпион есть шпион, а подслушивание является подслушиванием, сделано ли оно с помощью человеческого уха или же посредством электронного устройства» [30, р. 8].

Если перефразировать Р.М. Шелдон, то спецоперация является таковой, независимо от того, осуществляется ли она при помощи автомата с глушителем или же с обоюдоострым мечом в руках. Именно так объясняется и применение единожды выражения «отряд элитных коммандос» в первом издании «Воинства» [1, р. 69]: ведь уничтожение римского главнокомандующего в ходе сражения являлось труднейшей задачей, которая могла быть выполнена только лучшими из лучших.

Таким образом, вопреки нотациям Уилера, рациональное употребление современной терминологии в историческом исследовании не является ни «старой военной историей», ни, тем более, «одной из ее худших форм».

Значительность восстания 538–539 гг. и боеспособность армянских сил.

Уилер негодует: «Скудный рассказ Прокопия раздут преувеличениями о значении восстания, о качестве и боеспособности армянских военных сил, для чего приводятся максимы Сунь-Цзы и Сунь Биня. <...> Если восстание было столь же значительным (крупным), как здесь утверждается, то тогда “сатрапии” юго-западной Армении, жертвы тех же [проведенных императором Юстинианом I] реформ 536 г., странным образом воздержались от участия в нем» [12, р. 319].

Отрицая масштаб и общерегиональное значение этого восстания, Уилер игнорирует исторические факты, которые были подробно освещены в «Воинстве». Вот их частичное изложение.

Во-первых, продолжительность армянского восстания является наилучшим свидетельством его мощи. Соглашаясь со сделанным в «Воинстве» выводом о том, что восстание длилось с 538 по 539 гг. (хотя и при этом надменно восклицая: «Автор порой случайно попадает в цель!») [12, р. 320], Уилер не замечает, что и сам признает его большую значимость. *Во-вторых*, для его подавления, император Юстиниан вынужден был послать против повстанцев одну за другой две армии во главе с выдающимися полководцами своей империи. *В-третьих*, в первой фазе военной кампании решающее сражение с повстанцами закончилось унижительным поражением византийской армии; более того, во время боя был убит их главнокомандующий Ситта, признанный современниками равным его другу – великому полководцу Велисариию. Ко всему прочему, Ситта был свояком императора – мужем сестры влиятельнейшей императрицы Феодоры (527–548).

Сказанного предостаточно, чтобы понять, насколько в военном отношении крупным было армянское восстание 538–539 гг. В «Воинстве» представлены также факты, указывающие и на сильную материальную базу повстанцев, а также на важнейшее геополитическое последствие восстания, а именно: оно стало одним из основных поводов, вызвавших новую большую войну между Сасанидским Ираном и Византийской империей, с перерывами продолжавшуюся с 541 по 562 гг. Таким образом, Уилер игнорирует представленные в рецензируемой им книге исторические факты.

Далее, на наш взгляд, нет оснований для безоговорочного отрицания поддержки восстания со стороны так называемых сатрапий (лат. *gentes*) – шести соседних автономных княжеств юго-западной Армении, которые постепенно начиная с 387 по 408 гг. были отчуждены от царства Великая Армения и впредь, в качестве союзников – «федератов» (лат. *foederatae*), прочно привязаны к Римской, а затем и к Восточной Римской империи. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Очевидно, однако, что военная мощь византийских армянских повстанцев в 538–539 гг. допускает предположение о том, что, по крайней мере, некоторые из этих сатрапий со своими военными контингентами могли присоединиться к своим северным соотечественникам в их выступлении против Юстиниана. Это тем более вероятно, если учесть, что в 536 г. – всего за два года до восстания Юстиниан упразднил полунезависимый статус и внутреннее самоуправление сатрапий, слив их в новообразованную римскую провинцию Четвертая Армения.

Что же касается классических древнекитайских трудов о теории войны, а также древнеиранского «Аин-Намэ» и византийских трактатов о стратегии и тактике, то они послужили полезным вспомогательным материалом для понимания военно-политического мышления и менталитета предводителей противостоявших войск, а также для реконструкции исследуемых военных действий. Уилер занимается подтасовкой, утверждая, что максимы Сунь-Цзы и Сунь Биня были использованы лишь для непосредственной поддержки выводов «Воинства» о боеспособности армянских сил. В этой связи неудивительно, что Уилер обходит стороной приведенные в «Воинстве» аргументы о взаимовлиянии сасанидских и позднеримских военных теорий, а также о взаимозаимствованиях тактических элементов, применяемых в персидских, римско-византийских и армянских войсках [1, р. 40–41, 71, 77]. А как подчеркнуто уже во втором издании «Воинства», очевидное сходство многих тактических элементов, используемых ближневосточными и дальневосточными армиями данного исторического периода, требует пристального внимания к вопросу о диапазоне распространения военных доктрин в Древнем мире. Любопытно также, что основное толкование древнеармянской легенды о происхождении армянского нахарарского рода Мамиконян прослеживает их корни в Китае [2, р. 66–67 (п. 121)].

Об отождествлении Ойнокалакона с крепостью Авник. Уилер, не владея армянским языком и не вдаваясь в исторические источники данного периода, с ходу отрицает предложенную в «Воинстве» локализацию места решающей битвы между армянами и византийцами в 539 г. – вблизи крепости Авник (у Прокопия Кесарийского: *Ойнокалакон*). Его главный аргумент состоит в том, что «калак(он)» (вторая часть слова Ойно-калакон) означает город, а Авник, дескать, никак не мог быть городом. Уилеру невдомек, что слово «калак» на древнеармянском означало не только город, но и крепость и даже просто укрепленный населенный пункт. Между тем этимологический и лингвистический анализ слова *Ойнокалакон*, а также историко-географические данные о крепости Авник надежно отождествляют эти топонимы (подробно см. [15, р. 182–183]). И, кстати, с этим выводом соглашаются абсолютно все другие рецензенты.

Особое неприятие Уилера вызывает то, что в «Воинстве», по его мнению, «выражается сожаление относительно византийской эллинизации армян и их интеграции в византийскую элиту (например, у императоров Маврикия и Ираклия,

возможно, была армянская кровь)» [12, р. 319]. В этом вопросе Уилер входит в прямое противоречие не с автором «Воинства», а с армянскими письменными источниками. В частности, историк седьмого века Себеос, выражая мнение подавляющей части армянского общества, резко критиковал политику императора Маврикия по выводу армянских военных сил из Армении или, как он сам выразился, «коварный заговор Маврикия оставить Армению без армянских князей» [1, р. 101–102; 2, р. 112–115].

Про битву при Авнике Уилер пишет, что она не была «полностью спланированным повстанцами решающим сражением, как представляет Айвазян, а стычкой, как описывает Прокопий» [12, р. 320]. Между тем характер этого сражения четко определен самим Прокопием Кесарийским: «...[Армяне] построились для битвы. Так как местность, где находились оба войска, была неудобной из-за теснин и крутых гор, они сражались не в одном месте, а рассеявшись по предгорью и ущельям» (PROCa., Война с персами, II.3.19, с. 77)⁵. Из этих строк совершенно ясно, что произошедшее было битвой на пересеченной местности, где две армии, приняв рассыпной строй, сошлись друг с другом в многочисленных изолированных боях. Взятый с потолка вопрос о том, было ли это столкновение сражением или стычкой, однозначно разрешается в пользу первой версии со стороны самого (и единственного) первоисточника. Таким образом, Уилер открыто искажает конкретные сведения Прокопия Кесарийского, одновременно пренебрегая их подробным анализом в «Воинстве». Кстати, Конор Уэйтли, в своей докторской диссертации на тему «Описание битв в “Войнах” Прокопия» опередил меня в определении «битвы» при Авнике как «решающей» (*pitched battle*), что должным образом было отмечено в «Воинстве» ([31, р. 155 (п. 28), 199]; ср. [1, р. 25 (п. 7)]). Но поскольку в намерения Уилера дискуссия с К. Уэйтли не входит, он умалчивает об этом, делая объектом своей «критики» только меня одного.

Что же касается вопроса о спланированности этой битвы со стороны армянских повстанцев, то в пользу именно такого сценария в «Воинстве» выдвигается целый ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных аргументов. Уилер же в который раз выступает лишь с голословным опровержением.

Обобщим. Уилер в своей рецензии проявил отсутствие профессиональных знаний о предмете, который он вызвался комментировать и, к сожалению, встал на путь фальсификации, навешивания идеологически окрашенных ярлыков и обвинений. Более того, в безудержном стремлении дискредитировать рецензируемую им книгу он додумался даже до идеи о «спорной исторической ценности» *всех* армяноязычных источников (*Armenian-language sources (of controversial historical value)*) [12, р. 319], ставя, тем самым, под сомнение давно признанное значение более чем полуторатысячелетней армянской литературы, и в частности бесценного корпуса ее историографических источников. В подобного рода деструктивных и антинаучных суждениях рецензента довольно определенно просматриваются антиармянские предубеждения и предвзятости.

⁵ Известный переводчик Прокопия Кесарийского на английский язык, профессор Генри Девинг также представил вышеприведенную выдержку как столкновение двух «армий»: «...[Armenians] arrayed themselves for battle... But since both armies were on exceedingly difficult ground where precipices abounded, they did not fight in one place, but scattered about among the ridges and ravines» (PROCb., *Bell. Pers.*, II.3.19, p. 275).

О псевдокритике Макрипулиаса

Макрипулиас Х.Г. (далее Макрипулиас), в отличие от Уилера, позволяет себе целый ряд положительных замечаний относительно «Воинства»: он находит «полезным» содержащуюся в книге библиографию первичных и вторичных источников, предметно-именной указатель, а также «набор довольно информативных карт», которые, согласно ему, являются «долгожданным дополнением и вспомогательным материалом». Рецензент далее считает, что «с точки зрения византийской военной истории, наиболее важным вкладом этой (первой. – А.А.) главы являются проницательные идеи, предлагаемые в отношении топографии битвы при Ойнокалаконе и маршрутов, пройденных Ситтой и армянскими повстанцами». Он также согласен с тем, что «пересеченная местность поля битвы явно повлияла на ход и исход битвы, которая превратилась в серию отдельных боев, кульминацией которых стала смерть Ситты от рук армянских повстанцев» [13, р. 323–324].

Далее Макрипулиас выражает свое несогласие с рядом выводов «Воинства», не приводя, однако, каких-либо веских доводов против них. Так, он, как и Уилер, считает смерть Ситты на поле боя результатом случайного столкновения с отрядом армянских повстанцев и не желает обсудить возможность заблаговременно спланированной атаки на византийского главнокомандующего. Поэтому не случайно, что Макрипулиас не придает значения приведенным в «Воинстве» историческим сведениям относительно двух десятков случаев ликвидации армянами на поле боя главнокомандующих сасанидских войск, отвергает без какой-либо аргументации предложенную версию о тактике целенаправленного уничтожения последних и не видит в этих случаях какого-либо сходства с убийством Ситты в сражении при Авнике. Рецензент не согласен также с предположительными вычислениями количественного состава византийской «Армии Армении» и считает их «чрезмерно преувеличенными», хотя и признает, что конкретными сведениями на этот счет не располагает [13, р. 324–325]. На самом деле, в «Воинстве» сделан вывод о том, что численность византийской «Армии Армении» во времена Юстиниана *могла* колебаться от 15 до 25 тыс. человек, в то время как ведущие западные историки-византилисты ориентировочно говорят о ее 12–15-тысячном составе (см. [2, р. 49–50]). Поэтому вывод о «чрезмерном преувеличении», на наш взгляд, вряд ли уместен. Главное же в том, что рецензент, фактически, полностью игнорирует предложенные мною целые группы взаимосвязанных аргументов относительно всех вышеперечисленных вопросов. В данном материале вновь приводить такой объем аргументации – чуть ли не одну треть всей книги [2, р. 28–31, 34–84] – не только нецелесообразно, но и невозможно.

Рецензент замалчивает и выявленные параллели между битвами при Авнике (539 г.) и Акори (481 г.) (см. [2, р. 84–89]). Пытаясь как-то обосновать свое неприятие сделанного в «Воинстве» сравнительного анализа этих сражений, Макрипулиас, *выборочно* опираясь на предоставленные в той же книге данные, замечает, что даже современные армянские историки не уверены в том, кто был военачальником, а кто его заместителем в сражении при Акори – Васак Мамиконян или Бабкен Сюни; получается, что сравнительный анализ этих сражений для рецензента сводится к тому, кто был командиром [13, р. 324]. Но ведь и на этот вопрос ясный ответ дан в моем пространном комментарии (на который он, кстати,

делая свое замечание, ссылается), а именно: если даже Васак Мамиконян был не командиром, а заместителем командира армянского отряда (наш единственный источник, историк V в. Лазар Парпеци на этот вопрос дает двусмысленный ответ), его общий вклад в победу при Акори, четко описанный Лазаром Парпеци, был бы все равно равноценен вкладу командира (если им был Бабкен Сюни) (см. [2, р. 84 (п. 153)]). Поэтому оговорку Макрипулиаса нельзя оценить иначе, как лишнюю и искусственную.

За неимением других существенных критических замечаний, Макрипулиас, как и до него Уилер, пытается манипулировать терминами, использованными в «Воинстве». Одно-единственное синонимичное употребление мною термина «легионеры» по отношению к солдатам императора Юстиниана является, по Макрипулиасу, крупной ошибкой. «Он идет так далеко, что называет византийских солдат “легионерами”», – пишет рецензент. Здесь же он ложно утверждает, будто я считаю, что в VI в. всё еще существовали древнеримские легионы в их классическом виде [13, р. 325]. Ничего подобного в «Воинстве», естественно, нет. Наоборот, в ходе детального рассмотрения численности формирований византийской армии в эпоху Юстиниана (см. [2, р. 48–52]) на основании новейших исследований приводится, в частности, и следующее заключение из широко известного энциклопедического исследования: «От римского легиона, как организационной и тактической единицы, осталось только одно название. Легионом теперь (то есть во времена Юстиниана. – А.А.) называли отряд войск различной численности и организации» [32, с. 377; 2, р. 49 (п. 73)]. Именно в таком смысле, кстати, термин «легион» встречается и в «Дигестах» Юстиниана (DJ, р. 145). Поэтому-то фигуративное использование (единожды!) термина «легионеры» в «Воинстве» не есть антинаучный «криминал», как пытается внушить Макрипулиас. А иначе, к примеру, известный советский историк поздней Античности З.В. Удальцова, повествуя о высадке посланного Юстинианом византийского десанта на Сицилию в 535 г., специально не выделила бы в их составе «4000 легионеров и федератов» [33, с. 256].

Макрипулиас (как до него и Уилер) не приемлет применение «современных терминов для описания социально-политической обстановки в Армении в VI веке», имея в виду, в частности, используемое нами выражение «армянские военные (вооруженные) силы» (the Armenian armed forces) [13, р. 325]. Хотя Кирилл Львович Туманов, одного из корифеев западной арменистики и кавказоведения, употреблявшего то же словосочетание по отношению к древнеиранским и древнеармянским войскам [34, р. 24, 76, 78], никто за это никогда не порицал. Причем, четко указав в вышеприведенном предложении на шестой век, Макрипулиас сразу же вслед за этим смешивает разные исторические эпохи, лукаво вырывая из контекста ряд использованных в «Воинстве» терминов и определений. Так, в моем тексте подчеркивается, что «среди различных государственных институтов, действующих в древних и средневековых армянских царствах, более всех этноконсолидирующую функцию выполняло воинство» [2, р. 14]. Рецензент же оставляет из всего этого предложения лишь словосочетание «этноконсолидирующая функция», ложно приписывая его VI в., то есть ко времени, когда независимого армянского царства уже не существовало!

Такое передергивание хронологии и фактов сделано, для того чтобы заявить, что «систематическое употребление» «современных» терминов «призвано придать» армянскому военному классу «образ профессиональной боевой силы – образ, являющийся явным анахронизмом, поскольку он приписывает современные представления о едином командовании, универсальных стандартах обучения и связанных тактических доктринах группе людей, несомненно храбрых и боеспособных, но все же являвшихся не более чем собранием (*collection*) феодалов и их частных свит» [13, р. 325]. Ирония в том, что Макрипулиас этими своими критическими замечаниями, сам того не осознавая, кратко и, в принципе, верно резюмирует ряд особенностей армянских армий в период царства Великая Армения (II в. до н. э. – 428 г. н. э.), когда практически непрерывно функционировала постоянная и вполне профессиональная для своего времени армия (именуемая в IV – V вв., а возможно и ранее, «Армией Армении», кратко же – «Арменией») с традиционной численностью около 100–120 тыс. человек; под единым командованием царей и главнокомандующих (арм. *спаранет*); со своей официально утвержденной организационной структурой (армии – корпуса – полки – *дроши* (батальоны) – *ваиты* (роты) и т. д.); с иерархией командиров от низших до высших с их заместителями и адъютантами; умело взаимодействующими друг с другом родами войск – кавалерией и пехотой, включая их разнообразные подвиды; веками сложившейся системой обучения и идеологической подготовки военных кадров; со сформированными стратегической и тактической доктринами, а также периодическими реформированиями всего войска или его отдельных частей (обо всех этих вопросах подробно см. [35]; см. также [22, 36, 37])⁶. Макрипулиас попросту не владеет необходимыми знаниями об армянских армиях древности и Античности.

Что же касается конкретно армянской повстанческой армии в 538–539 гг., унаследовавшей традиции древнеармянской «Армии Армении», ее высокая боеспособность объясняется еще и тем, что она состояла из крупных военных формирований, представлявших если не большую, то очень значительную часть мобильной полевой «Армии Армении», созданной Юстинианом в 527–529 гг. и имеющей уже большой опыт совместных боевых действий в персидско-византийской войне 526–532 гг. [2, р. 48–51].

Макрипулиас без каких-либо веских причин или опровержений ополчается и на вырванное из контекста следующее предложение, содержащее, тем не менее, самоочевидный вывод: «Древние и средневековые армянские государства и цари естественным образом культивировали и институционализировали свои военные силы» [2, р. 18]. Макрипулиас таким же неправомерным образом считает «современным», поэтому и неуместным употребление термина «национальное самоуправление» (*self-rule*) по отношению к армянским полусамостоятельным государственно-административным формированиям наподобие вышеупомянутых сатрапий или Армянского Марзпанства (созданного Сасанидами после упразднения Аршакидского Армянского царства отдельного привилегированного военно-

⁶ См., в частности, «Приложение 1. Терминология организационной структуры Армянской Армии в IV – V вв.» [35, с. 360–464] и там же вкладыш: «Схема 7: Организационная структура Армянской Армии в IV в. (по данным «Зоранамака», Бузанда и Хоренаци)».

административного округа, возглавляемого, как правило, одним из местных нахараров).

В ряду преднамеренных измышлений рецензента следует особо выделить его утверждение о том, что Армении шестого века автор «Воинства» якобы «настойчиво представляет в качестве своего рода современного национального государства» (The author's insistence in describing sixth-century Armenia as a sort of modern nation-state) [13, p. 325]. В действительности, в моей книге нет ни одного подобного утверждения или даже намека на него: в ней с самого начала и далее на всем протяжении четко и неоднократно отмечается, что в 387 г. царство Великая Армения было разделено между Сасанидской державой и Римской империей, где были созданы два одноименных царства. Римляне упразднили западное армянское царство в 390 г., а Сасаниды то же самое сделали в 428 г. [2, p. 25, 35 (n. 29), 36, 55, 111 (n. 187)]. И после этого у Макрипулиаса хватает совести меня в этом наставлять, а заодно и подтасовывать исторические реалии: «Армения VI – VII веков была не независимым государством со своим воинством (the military), а географическим регионом, который был разделен между Восточной Римской империей и Сасанидской Персией двумя веками ранее» [13, p. 326]. Между тем общеизвестные факты таковы.

В VI – VII вв. Армения, являясь разделенной страной с преобладающим армянским населением, имела признанные Сасанидами и Византией широкую внутреннюю автономию, своеобразный феодальный строй и поддерживающие их мощные военно-политические, общественно-экономические и церковно-религиозные институты, а именно:

1) Армянское Марзпанство, просуществовавшее в большей части Персармении вплоть до арабского нашествия, а также полусамостоятельные княжества в византийской части Армении;

2) независимую национальную церковь, действовавшую как в сасанидской, так и в византийской частях Армении;

3) военное ведомство – *спаранетутюн*, объединявшее крупные армянские воинские силы под единым командованием наследственных главнокомандующих – *спаранетов* из нахарарского рода Мамиконян (*спаранетутюн* и *спаранеты* продолжали функционировать в обеих частях Армении, в сасанидской – всегда, в римско-византийской – до реформ Юстиниана в 530-х годах)⁷;

4) «армянское право» – уникальную национальную правовую систему, упразднение и замена элементов которой византийскими законами как раз и явились одной из основных причин восстания 538–539 гг.;

5) национальную систему образования на базе армянского языка и созданного еще в 405 г. алфавита;

6) богатую национальную культуру, включавшую оригинальные школы архитектуры, музыки, искусства, театра и, в особенности, бурно развивавшуюся на армянском языке многожанровую литературу.

Важно специально отметить, что в мирное время сасанидские и византийские войска обычно не расквартировывались ни на территории Армянского

⁷ В «Воинстве» впервые был сделан вывод о том, что последним *спаранетом* византийской Армении был как раз Васак Мамиконян, военный предводитель армянских повстанцев в 538–539 гг. [2, p. 54–56].

Марзпанства⁸, ни в византийской части Армении, а внешние границы этих империй в данных отрезках защищали именно армянские военные силы, отрицание автономного существования и высокой боеспособности которых является, в лучшем случае, незнанием общеизвестных и общепринятых исторических фактов. Особо ценили, в частности, армянскую конницу, «считавшуюся одной из лучших (если не лучшей) в Передней Азии» [38, с. 42–43, 214]⁹, формирования которой часто привлекались в состав сасанидских и византийских войск в качестве самостоятельной единицы и применялись далеко за пределами собственно Армении.

Таким образом, квалифицировать Армению VI – VII вв. как всего лишь «географический регион» наподобие Аравийского полуострова или Кавказа есть намеренная подмена понятий, восходящая еще к небезызвестному фальсификатору истории, бывшему агенту турецких спецслужб Эсату Урасу, в императивном тоне проповедовавшему: «Считаю наиболее важным и необходимым подчеркнуть: Армения не может быть чем-либо иным, кроме как основанной на географии простой памятью, территорией без политических границ» (см. [39, р. 166]; ср. [40]). Макрипулиас, выдающий себя за «профессионального византиниста» [13, р. 326], по сути дела пошел на поводу у урасовского тезиса, не имеющего ничего общего с исторической действительностью.

Преемники курса Уилера и Макрипулиаса

Доцент-византинист Н.Д. Барабанов и магистрант Г.Г. Маркарян (далее Барабанов и Маркарян) в своей рецензии заявляют, что «следует согласиться с негативными мнениями о работе А.М. Айвазяна, высказанными Э.Л. Уиллером и Х.Г. Макрипулиасом» [14, с. 156], не замечая допущенных этими авторами многочисленных тенденциозных ошибок и систематических фальсификаций. Барабанов и Маркарян вообще не упоминают о моем исчерпывающем ответе Уилеру [15], с которым они должны были быть знакомы хотя бы из рецензируемого ими второго издания «Воинства» [2, с. 131]. Слепо солидаризируясь с Уилером и Макрипулиасом, они применяют те же предвзятые и сомнительные методы и приемы критики. Чего стоит, например, голословное утверждение о том, что моя научно-историческая работа «изначально ориентирована не на анализ источников, а на повествование, пронизанное духом радикального армянского патриотизма»?! [14, с. 156]. Спрашивается: что такое «радикальный армянский патриотизм»? Как Барабанов и Маркарян его трактуют? На каких страницах, в каких пассажах они разглядели присутствие его жуткого «духа»? Объяснений, дефиниций и ссылок на этот счет не предлагается¹⁰.

Утверждение, что моя работа «изначально ориентирована не на анализ источников, а на повествование» (в «Аннотации» к своей рецензии Барабанов

⁸ Поставленные Сасанидами в 440-х гг. в Марзпанской Армении 16 персидских крепостных гарнизонов были уничтожены Армянской армией в ноябре-декабре 449 г. Ктесифон полностью отказался от размещения там своих гарнизонов после армяно-персидской войны 449–451 гг. [35, с. 59–67, 336].

⁹ В «Воинстве» указана также научная литература об армянской коннице данного периода [2, р. 42 (п. 56)].

¹⁰ Несколько отвлекаясь, замечу, что лично я подхожу к работе историка совершенно просто: главное – объективно и всесторонне анализировать исторические источники и делать соответствующие выводы *независимо от того*, насколько они созвучны твоим ценностно-мировоззренческим установкам и «индивидуально-идеологическим» предпочтениям.

и Маркарян говорят еще и о «повествовательном характере работы»), изначально имеет целью ввести в заблуждение тех, кто ее не читал. Ведь «Воинство» почти целиком состоит из новых постановок вопросов и их анализа, в процессе которого впервые выявляется и уточняется множество исторических фактов и обстоятельств. Вот некоторые из крупных блоков тематических вопросов, впервые поставленных в «Воинстве» и на которые там же даны ответы: определяются отличительные особенности древнеармянских и средневековых армянских военных сил и их искусства ведения войны [2, р. 15–18]; устанавливаются особенности проведения спецоперации по уничтожению Гонтариса в 546 г. в Карфагене и делаются соответствующие выводы [2, р. 30–33]; определяется масштаб и материальная база восстания 538–539 гг., его география и топография, маршруты движения двух враждующих армий; локализуется место генерального сражения (даже Барабанов и Маркарян считают это «несомненным достижением данной работы» [14, с. 156]); обосновывается предположительный численный состав армянской и византийской армий; подробно вскрывается их тактика в преддверии сражения; реконструируется весь ход самого сражения; уточняется личность главнокомандующего армянской повстанческой армией [2, р. 35–83]; в отдельной главе проводится сравнительный анализ битв под Акори (481 г.) и под Авником (539 г.), выявляющий сходство в их тактических элементах [2, р. 84–89]; раскрываются геополитические последствия армянского восстания 538–539 гг.; ставится и обсуждается вопрос о причинах неупоминания армян в «Стратегиконе» [2, р. 108–124] и т. д. Из сказанного явствует, что обвинение в «повествовательном характере» данной работы высосано из пальца и в высшей степени несправедливо.

Следует отметить, что отсутствие сколько-нибудь серьезных аргументов – отличительная черта рецензии Барабанова и Маркаряна. Так, в «Аннотации» к своей рецензии, вводя читателя в заблуждение, они заявляют, что в «Воинстве» якобы «приведены примеры необоснованной однозначной трактовки дискуссионных вопросов» [14, с. 154]. Для поддержки этого тезиса приводятся следующие три примера.

Барабанов и Маркарян пишут: «Особый акцент исследователь делает на личности Ситы и его возможном армянском происхождении. <...> Однако тезис о происхождении Ситы остается весьма спорным, так как данных, подтверждающих эту версию, давно выдвинутую другими исследователями и подхваченную автором, мало, и в большинстве своем они представляют отдельные, не всегда оправданные умозаключения» [14, с. 155]. Ложь: в «Воинстве» Ситте (а не Сите!) армянское происхождение не приписывается! Более того, в данном пассаже рецензенты повторяют *мою* же критику других исследователей (А. Джоунс, Дж. Эванс, Дж. Грейтрекс, Т. Джакобсен, Дж. Мартиндейл, Р. Браунинг, М. Чамчян), которые, основываясь лишь на догадках или даже без них, ничтоже сумняшеся объявляют его то готом, то армянином, то фракийцем! В «Воинстве» *впервые* собраны воедино и отвергнуты все эти противоречащие мнения маститых ученых о происхождении Ситты (см. [2, р. 37–38]). Не это ли есть показатель исследовательской объективности? Ложно укоряя меня в том, что я, оказывается, «подхватил» «версию [об армянском происхождении Ситты], давно выдвинутую другими исследователями», Барабанов и Маркарян ссылаются

исключительно на те их работы, с соответствующими страницами, которые указаны в «Воинстве». Другими словами, они не только заимствуют у меня критический анализ впервые собранного и систематизированного материала, но еще и обращают все это против меня же самого! Неблаговидная методология!

То же самое относится к вопросу о возможном армянском происхождении императора Маврикия, что для рецензентов становится еще одним надуманным поводом для критики [14, с. 156]. В «Воинстве» этому – *одному из четырех возможных* факторов того, почему в византийском трактате «Стратегикон» армяне не упомянуты в списке потенциальных врагов Империи, не придается особого значения, а лишь указаны противоречивые мнения предыдущих исследователей (без принятия какой-либо точки зрения за единственно верную) и обозначены возможные импликации того, *если* мнение об армянском происхождении Маврикия верно (см. [2, р. 120–121]). Ведь даже Уилер признает, что «у императоров Маврикия и Ираклия, возможно, была армянская кровь» [12, р. 319].

Продолжая ту же серию замечаний, Барабанов и Маркарян пишут: «Весьма странным является тот факт, что авторство “Стратегикона” автор с уверенностью приписывает именно византийскому императору Маврикию, тогда как этот вопрос до сих пор является дискуссионным: в историографии предполагаемых авторов военного трактата по меньшей мере три» [14, с. 156]. Тем самым они пытаются создать впечатление, будто автор «Воинства» не в курсе этой научной дискуссии или же игнорирует ее. Но это не так: в «Воинстве» эта дискуссия не только упоминается, но его автор вдобавок выдвигает еще и новый аргумент в пользу того, что «Стратегикон» написан именно Маврикием, причем в период между 591 и 602 гг. – после того, как «в 591 г. персидский царь Хосров II уступил часть восточной Армении Маврикию, фактически сделав Византийскую империю правительницей большей части Армении и разом превратив большинство армян в ее подданных. После этого открыто представлять армян как враждебный Империи народ было бы бессмысленным» [2, р. 123–124]. Более того, упоминая эту дискуссию и даже отвергая одну из гипотез (об авторстве генерала Витты), я напрямую примыкаю к позиции крупнейшего исследователя византийской полемики, покойного профессора В.В. Кучмы, глубоко изучившего данный вопрос и считавшего Маврикия автором «Стратегикона» ([2, р. 123–124 (п. 218)]; ср. [41, с. 39–43, 154–159])¹¹. Как видим, дело обстоит вовсе не так, как его представляют Барабанов и Маркарян. Причем они опять же ссылаются именно на то обсуждение авторства «Стратегикона» со стороны В.В. Кучмы, которое упомянуто в «Воинстве» (прим. 218), при этом никак не отметив, что автор рецензируемой ими книги сам указал на дискуссионность данной проблемы.

Барабанов и Маркарян намекают чуть ли не на плагиат со стороны автора «Воинства»: «Несмотря на то, что А.М. Айвазян неоднократно подвергает критике мнения известного армянского исследователя Н. Адонца, при попытке определения предводителя восставших, он указывает на Васака Мамиконяна, явно заимствуя суждение этого ученого» [14, с. 155]. В этой связи следует подчеркнуть

¹¹ Кстати, В.В. Кучма долгие годы преподавал в том же Волгоградском государственном университете, где работают Барабанов и Маркарян.

два обстоятельства: во-первых, Н. Адонц не называет Васака Мамиконяна предводителем восставших (он лишь указывает на его принадлежность к клану Мамиконянов), а, во-вторых, в «Воинстве» я сам ссылаюсь на те же страницы книги Н. Адонца, которые упоминают Барабанов и Маркарян. Вот соответствующая выдержка: «Прокопий сообщает только имя этого полководца армян – Васак. Н. Адонц и К. Туманов правильно пришли к выводу, что он из клана Мамиконянов, но не предоставили никаких дополнительных разъяснений, которые, тем не менее, необходимы» [2, р. 54–55]. В примечании к этому тексту (п. 93) указаны все соответствующие страницы: «*Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, с. 125–126; *Adontz*, Armenia in the Period of Justinian, pp. 100–101; *Toumanoff*, Studies in Christian Caucasian History, p. 194 (п. 209); 196 (п. 218)». А на то, что предводителем восставших был Васак Мамиконян, сначала намекает, но затем сам себе противоречит К. Туманов, о чем я должным образом, ясно и подробно информирую читателя [2, р. 54 (п. 92)]. Ничем, кроме возмутительной клеветы, назвать подобную «критику» невозможно.

Вот и все конкретные «аргументы» Барабанова и Маркаряна в пользу «негативного мнения» о моей работе, не считая того, что они очень кратко повторяют пару рассмотренных выше несостоятельных критических замечаний Уилера и Макрипулиаса по поводу целенаправленной ликвидации Ситты в битве под Авником и численности сражавшихся там армянских и византийских войск, не добавляя от себя какого-либо оригинального аргумента или исторического сведения. Примечательно, что Барабанов и Маркарян ни единого слова не говорят о проведенном в «Воинстве» военно-историческом анализе. Видимо, потому что Н.Д. Барабанов преимущественно специализируется по истории византийской Церкви и «по проблемам народной религиозности в Византии» [42], а насчет научных работ магистранта Г.Г. Маркаряна мне пока ничего не известно. Но, несмотря на свою некомпетентность в военных аспектах армяно-византийской истории, Барабанов и Маркарян находят возможным порицать ведущего российского историка по военному делу Сасанидского Ирана В.А. Дмитриева за «избыточно комплиментарную» оценку «Воинства» [10]. Полноте, господи! И почему нужно было выделять только В.А. Дмитриева? Ведь в той же «избыточной комплиментарности» можно обвинять и всех других рецензентов, позитивно оценивших мою работу. В этой связи уместно будет привести хотя бы несколько выдержек из длинного ряда положительных рецензий о «Воинстве».

Илка Сивянне: «Небольшое, но глубокое исследование доктором Арменом Айвазяном византийско-армяно-иранских военных отношений является новаторской научной работой, действительно способной возродить интерес западных военных историков к слишком часто игнорируемому армянскому материалу» [4, р. 11].

Раффаэле д'Амато: «Детальный анализ Айвазяна... впечатляет богатством примечаний и цитат и демонстрирует его энциклопедические знания данного периода, чем характеризуется вся [его] книга» [6, р. 55–56].

В.А. Дмитриев: «...Рецензируемое издание представляет собой хорошее сочетание качественного военно-исторического и источниковедческого научного исследования, с одной стороны, и своеобразного очерка из истории армянского

национального самосознания – с другой. <...> [Оно стало] заметным событием в военно-исторической науке» [10, с. 422]¹².

Петер Хальфтер: «Работа Армена Айвазяна над историческими источниками превосходна. Его умение реконструировать географический контекст сражения, а затем комбинировать факты и обстоятельства со стратегическими и тактическими передвижениями противников заслуживает высокого признания» [8, р. 62].

Заключение

Профессиональная квалифицированность Уилера, Макрипулиаса и Барабанова и Маркаряна в вопросах, по которым они решились оппонировать, оказалась крайне недостаточной. Незнание первоисточников и базовых фактов по военной истории и исторической географии Армении, а также военно-теоретическая неподготовленность не позволили им сделать ни одного конструктивного замечания. Очевидна также антиармянская направленность их рецензий. Любой ценой очернить рецензируемую ими монографию – вот единая антинаучная цель, объединяющая указанных псевдокритиков. Отсюда и применяемая ими идентичная методология фальсификации, компонентами которой являются полуправда, ложь, искажения исторических сведений, откровенные измышления, нападки личного характера, навешивание политически окрашенных ярлыков, грубые и тенденциозные ошибки. Вступившим на этот путь в науке уготовано лишь одно – фиаско.

Источники

- STRABO – *Страбон*. География: в 17 кн. / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. – М.: Наука, 1964. – 944 с.
- PROCa. – *Проконий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., вступ. статья, комм. А.А. Чекаловой. – СПб.: Алетея, 2001. – 543 с.
- PROCb. – *Procopius of Caesaria*. History of the Wars / With an English transl. by H.B. Dewing. – London: William Heinemann; N. Y: The Macmillan Co., 1914. – V. I, Books 1–2: The Persian War. – 584 p.
- DJ – *The Digest of Justinian* / Transl. by Charles Henry Monro. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1904. – V. 1. – 399 p.

¹² В.А. Дмитриев в положительном ключе пишет и о присутствии в «Воинстве» (как он его называет) «...армянского национального духа», замечая, в частности: «Автор книги – не сторонний наблюдатель, спокойно и без лишних эмоций описывающий события полуторатысячелетней давности, а горячий патриот своей страны, для которого участники борьбы армянского народа за независимость и сохранение государственности являются вечно живыми примерами для многих поколений армян» [10, с. 421]. В связи с этим тот же российский автор, полемизируя уже с Уилером, подчеркивает: «...Мы категорически не согласны с оценкой книги А.М. Айвазяна, данной Э.Л. Уиллером в “Журнале военной истории”, [определяющей работу] “скорее как проявление современной националистической армянской историографии, нежели серьезного исследования” [12, р. 320]. История любого народа, а тем более – того, частью которого ты являешься, не может и не должна оставлять изучающего ее исследователя безучастным статистом, лишь фиксирующим факты и выявляющим связывающие их закономерности – это задача социологов. В отличие от них, историк за мириадами фактов и имен должен видеть и постигать национальный дух того народа, историю которого он изучает. В *этом* смысле любое историческое исследование в той или иной мере, конечно же, должно являться националистическим. Уиллер же в данном случае необоснованно вкладывает в понятие “национализм” сугубо негативный и явно идеологизированный смысл» [10, с. 421–422 (прим. 6)].

Литература

1. *Ayvazyan A.* The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice. – Alfortville: Sigest, 2012. – 128 p.
2. *Ayvazyan A.* The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice. – Alfortville: Sigest, 2014. – 152 p.
3. *Ayvazyan A.* Les Forces Militaires Arméniennes dans l'Empire Byzantin: Luttes et alliances sous Justinien et Maurice. Traduction de l'anglais par Pascal Bataillard / Avant-propos d'Ilkka Syvanne. – Alfortville: Sigest, 2013. – 152 p.
4. *Syvanne Il.* Foreword // *Ayvazyan A.* The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice. – Alfortville: Sigest, 2012. – P. 9–11.
5. *Hughes I.* Book review: The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice, by Armen Ayvazyan // *Ancient Warfare*. – 2013. – V. 6, No 5. – P. 54–55.
6. *D'Amato R.* Book review: Armen Ayvazyan. The Armenian Military in the Byzantine Empire // *Medieval Warfare*. – 2013. – V. 3, No 6. – P. 55–56.
7. *Mahé J.-P.* Recension: Ayvazyan Armen, Les forces militaires arméniennes dans l'Empire byzantine. Luttes et alliances sous Justinien et Maurice (traduit de l'anglais par Pascal Bataillard, Paris (Sigest. Institut Tchobanian), 2013 // *Revue des Études Arméniennes*. – 2014–2015. – T. 36. – P. 265–266. – doi: 10.2143/REA.36.0.3108211.
8. *Halfter P.* Buchrezension: Die Bedeutung armenischer Krieger im byzantinischen Reich unter den Kaisern Justinian und Maurikios // *Armenisch-Deutsche Korrespondenz*. – 2013 – Nr. 158, H. 1. – S. 61–62.
9. *Krieger-Krynicky A.* Recension: Les forces militaires arméniennes dans l'Empire byzantin: luttes et alliances sous Justinien et Maurice / Armen Ayvazyan. – éd. Sigest, 2013 // *Les recensions de l'Académie des sciences d'outre-mer*. – 2014. – 5 p. – URL: <http://www.academiedoutremer.fr/presentation-bibliotheque-les-recensions-du-carasom/?ald=528>, свободный.
10. *Дмитриев В.А.* Рецензия на: Ayvazyan A. The Armenian Military in the Byzantine Empire. Conflict and Alliance under Justinian and Maurice. Second revised and expanded edition. Alfortville: Éditions Sigest, 2014. 152 p. // *Метаморфозы истории*. – 2015. – Вып. 6. – С. 418–423.
11. *Farrokh K.* Book review: Dr. Armen M. Ayvazyan's New Text on Armenian Military History // The official website of Dr. Kaveh Farrokh. – 2012. – June 13. – URL.: <http://kavehfarrokh.com/book-review/dr-armen-m-ayvazyan-new-text-on-armenian-military-history/>, свободный.
12. *Wheeler E.L.* Book review: The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice. By Armen Ayvazyan. – Glendale, Calif.: Editions Sigest, 2012. – 127 p. // *J. Mil. Hist*. – 2013. – V. 77, No 1. – P. 318–320.
13. *Макрыпoulias Ch.G.* Book review: A. Ayvazyan, The Armenian military in the Byzantine Empire. Conflict and alliance under Justinian and Maurice. – [Alfortville], 2014 – 152 p. // *Byzantina Symmeikta*. – 2015. – V. 25. – P. 323–326.
14. *Барбабанов Н.Д., Маркарян Г.Г.* Византия и Армения: метаморфозы военных связей (мнение читателей о книге: Ayvazyan, A. The Armenian Military in the Byzantine Empire. Conflict and Alliance under Justinian and Maurice [Text] / A. Ayvazyan. – Alfortville: Editions Sigest, 2014. – 152 p.) // *Вестн. ВолГУ. Сер. 4, История. Регионоведение. Междунар. отн.* – 2016. – Т. 21, № 5. – С. 154–158. – doi: 10.15688/jvolsu4.2016.5.15.

15. *Ayvazyan A.* Response to Everett L. Wheeler's review of *The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice* // *Armenian Folia Anglistika*. – 2013. – No 1–2. – P. 175–187.
16. *Айвазян А.* Основные элементы к доктрине национальной безопасности Армении. – Ереван: Лусакн, 2004. – 271 с. (на арм. яз.).
17. *Kaegi W.E.* *Byzantium and the Early Islamic Conquests*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. – 313 p.
18. *Encyclopedia Americana*. International Edition: 30 v. – N. Y.: Am. Corp., 1967. – V. 2. – 896 p.
19. *The New Encyclopedia Britannica*. Macropaedia. Fifteenth edition: 19 v. – Chicago: Chicago Univ. Press, 1984. – V. 18. – 1106 p.
20. *Ayvazyan A.* Mother tongue and the origins of nationalism: A comparative analysis of the Armenian and European primary sources // *Arm. Folia Anglistika*. – 2006. – No 1. – P. 123–131.
21. *Айвазян А.М.* Родной язык и патриотизм: сравнительный анализ армянских и европейских первоисточников // *Общероссийская и национальная идентичность*. – Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2012. – С. 117–126.
22. *Айвазян А.М.* Кодекс чести армянского воинства в 4–5-м веках. – Ереван: Артагерс, 2000. – 48 с. (на арм. яз.)
23. *Айвазян А.М.* Древняя Армения как «национальное государство» // *Эчмиадзин*. – 2005. – № 5. – С. 123–138 (на арм. яз.).
24. *Гарсоян Н.Г.* Армения в IV в. (К вопросу уточнения терминов «Армения» и «верность») // *Вестн. общ. наук АН Арм. ССР*. – 1971. – № 3. – С. 55–62.
25. *Тревер К.В.* *Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 293 с.
26. *Айвазян А.М.* Геополитическая детерминанта имперских предрассудков и византийский военный прагматизм (по материалам «Стратегикона» Маврикия) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки*. – 2012. – № 1. – С. 25–37.
27. *Ayvazyan A.* The Armenians and Maurice's Strategikon – Byzantine pragmatism vs. imperial prejudice // *Medieval Warfare*. – 2012. – V. 2, No 4. – P. 33–36.
28. *Sheldon R.M.* The ancient imperative: Clandestine operations and covert action // *Int. J. Intell. Counterintell*. – 1997. – V. 10, No 3. – P. 299–315.
29. *Harari Y.N.* *Special Operations in the Age of Chivalry, 1100–1550*. – Woodbridge: The Boydell Press, 2007. – 248 p.
30. *Sheldon R.M.* *Espionage in the Ancient World: An Annotated Bibliography*. – Jefferson, N C: McFarland & Co., 2003. – IX, 232 p.
31. *Whately C.C.* Descriptions of battle in the 'Wars' of Procopius: PhD Dissertation in Classics and Ancient History. – Coventry: Univ. of Warwick, 2009. – 394 p.
32. *Дююю Р.Э., Дююю Т.Н.* *Всемирная история войн: в 4 т.* – СПб.; М.: Полигон: АСТ, 1997. – Т. 1: 3500 г. до Р. X. – 1400 г. от Р. X. – 937 с.
33. *Удальцова З.В.* *Италия и Византия в VI в.* – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 547 с.
34. *Toutanoff C.* Introduction to Christian Caucasian History. II: States and Dynasties of the Formative Period // *Traditio*. – 1961. – V. 17. – P. 1–106.
35. *Айвазян А.М.* *Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения*. – СПб.: Алетейя, 2017. – 516 с.
36. *Нефёдкин А.К.* Военное дело армян и персов в «Истории Армении» Фавстоса Бузанда // *Para Bellum*. – 2010. – № 32. – С. 21–34.

37. Даниелян А.М. Военная реформа Тиридата III // Ист.-филол. журн. – 1974. – № 4. – С. 207–218 (на арм. яз.).
38. Дмитриев В.А. «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело Сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2008. – 363 с.
39. Walker Ch.J. Book review: The Armenians In History and the Armenian Question. By Esat Uras. An English translation of the revised and expanded second edition. – Ankara: Documentary Publications, 1988. – XIV, 1048 p. // J. R. Asiat. Soc. – 1990. – V. 122, No 1. – P. 165–170.
40. Clive F. The Turkish View of Armenian History: A Vanishing Nation // The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics / Ed. R.G. Hovannisian. – N. Y.: St. Martin's Press; London: MacMillan, 1992. – P. 250–279.
41. Кучма В.В. Военная организация византийской империи. – СПб.: Алетейя, 2001. – 426 с.
42. Барабанов Николай Дмитриевич // Всемирная история. – URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/barabanov_nikolai_dmitrievich, свободный.

Поступила в редакцию
20.08.2019

Айвазян Армен Мартинович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Научно-исследовательский институт древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца
пр. Маштоца, д. 53, г. Ереван, 0009, Армения
E-mail: armenayvazyan@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 1, pp. 191–215

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.191-215

**The Armenian Military under Justinian and Maurice:
A Reply to Pseudo-Criticism**

A.M. Ayvazyan

Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts, Yerevan, 0009 Armenia
E-mail: armenayvazyan@gmail.com

Received August 20, 2019

Abstract

This polemical paper discusses the three negative reviews written by Everett L. Wheeler, Ch.G. Makrypoulias, N.D. Barabanov, and G.G. Markaryan on the book “The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice” by A.M. Ayvazyan. The detailed analysis strongly questions the academic validity and sincerity of these reviews, reveals the low professionalism and extreme tendentiousness of their criticisms. The reviewers use a similar methodology for history falsification, which includes, among other things, deliberate fabrications, distortions of the original sources, disregard for the academic literature, malign substitution of the notions, and complete rejection of the patriotic narrative. All the three reviews visibly contain an anti-Armenian political-ideological bias. The paper also summarizes the positive reviews of the same book made by qualified specialists.

Keywords: falsification of history, Byzantine Empire, Sasanian Empire, Great Armenia, Armenian Army, Armenian historiography, Emperor Justinian, Emperor Maurice, patriotism, nationalism, “Strategicon”

References

1. Ayvazyan A. *The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice*. Alfortville, Sigest, 2012. 128 p.
2. Ayvazyan A. *The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice*. Alfortville, Sigest, 2014. 152 p.
3. Ayvazyan A. *Les Forces Militaires Arméniennes dans l'Empire Byzantin: Luttés et alliances sous Justinien et Maurice*. Alfortville, Sigest, 2013. 152 p. (In French)
4. Syvanne Il. Foreword. In: Ayvazyan A. *The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice*. Alfortville, Sigest, 2012, pp. 9–11.
5. Hughes I. Book review: The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice, by Armen Ayvazyan. *Ancient Warfare*, 2013, vol. 6, no. 5, pp. 54–55.
6. D'Amato R. Book review: Armen Ayvazyan. The Armenian Military in the Byzantine Empire. *Medieval Warfare*, 2013, vol. 3, no. 6, pp. 55–56.
7. Mahé J.-P. Recension: Ayvazyan Armen, Les forces militaires arméniennes dans l'Empire byzantine. Luttés et alliances sous Justinien et Maurice (traduit de l'anglais par Pascal Bataillard), Paris (Sigest. Institut Tchobanian), 2013. *Revue des Études Arméniennes*, 2014–2015, T. 36, pp. 265–266. doi: 10.2143/REA.36.0.3108211. (In French)
8. Halfter P. Buchrezension: Die Bedeutung armenischer Krieger im byzantinischen Reich unter den Kaisern Justinian und Maurikios, *Armenisch-Deutsche Korrespondenz*, 2013, Nr. 158, H. 1, S. 61–62. (In German)
9. Krieger-Krynicky A. Recension: Les forces militaires arméniennes dans l'Empire byzantin: luttés et alliances sous Justinien et Maurice. Armen Ayvazyan. éd. Sigest, 2013. *Les recensions de l'Académie des sciences d'outre-mer*, 2014. 5 p. Available at: <http://www.academiedoutremer.fr/presentation-bibliotheque-les-recensions-du-carasom/?aId=528>. (In French)
10. Dmitriev V.A. Book review: Ayvazyan A. The Armenian Military in the Byzantine Empire. Conflict and Alliance under Justinian and Maurice. Second revised and expanded edition. Alfortville: Éditions Sigest, 2014. 152 p. *Metamorfozy Istorii*, 2015, no. 6, pp. 418–423. (In Russian)
11. Farrok K. Book review: Dr. Armen M. Ayvazyan's new text on Armenian military history. *The Official Website of Dr. Kaveh Farrokh*, 2012, June 13. Available at: <http://kavehfarrok.com/book-review/dr-armen-m-ayvazyan-new-text-on-armenian-military-history/>.
12. Wheeler E.L. Book review: The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice. By Armen Ayvazyan. – Glendale, Calif.: Editions Sigest, 2012. – 127 p. *Journal of Military History*, 2013, vol. 77, no. 1, pp. 318–320.
13. Makrypoulias Ch.G. Book review: A. Ayvazyan, The Armenian military in the Byzantine Empire. Conflict and alliance under Justinian and Maurice. – [Alfortville], 2014 – 152 p. *Byzantina Symmeikta*, 2015, vol. 25, pp. 323–326.
14. Barabanov N.D., Markaryan G.G. Byzantium and Armenia: Metamorphosis of military connections (the readers' opinion about the book: Ayvazyan, A. The Armenian Military in the Byzantine Empire. Conflict and Alliance under Justinian and Maurice [Text] / A. Ayvazyan. – Alfortville: Editions Sigest, 2014. – 152 p.). *Vestnik VolGU. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2016, vol. 21, no. 5, pp. 154–158. doi: 10.15688/jvolsu4.2016.5.15. (In Russian)
15. Ayvazyan A. Response to Everett L. Wheeler's review of The Armenian Military in the Byzantine Empire: Conflict and Alliance under Justinian and Maurice. *Armenian Folia Anglistika*, 2013, no. 1–2, pp. 175–187.
16. Ayvazyan A. *Key Elements to the Doctrine of National Security in Armenia*. Yerevan, Lusakn, 2004. 271 p. (In Armenian)
17. Kaegi W.E. *Byzantium and the Early Islamic Conquests*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1992. 313 p.

18. *Encyclopedia Americana. International Edition*. Vol. 2. New York, Am. Corp., 1967. 896 p.
19. *The New Encyclopedia Britannica. Macropaedia*. Vol. 18. Chicago, Chicago Univ. Press, 1984. 1106 p.
20. Ayvazyan A. Mother tongue and the origins of nationalism: A comparative analysis of the Armenian and European primary sources. *Armenian Folia Anglistika*, 2006, no. 1, pp. 123–131.
21. Ayvazyan A.M. Native language and patriotism: A comparative analysis of the Armenian and European authentic sources. In: *Obshcherossiiskaya i natsional'naya identichnost'* [All-Russian and National Identity]. Pyatigorsk, Pyatigorsk. Gos. Lingvist. Univ., 2012, pp. 117–126. (In Russian)
22. Ayvazyan A.M. *The Honor Code of the Armenian Army in the 4th–5th Centuries*. Yerevan, Artagers, 2000. 48 p. (In Armenian)
23. Ayvazyan A.M. Ancient Armenia as a “nation state”. *Echmiadzin*, 2005, no. 5, pp. 123–138. (In Armenian)
24. Garsoyan N.G. Armenia in the 4th century (On a more precise definition of the terms “Armenia” and “loyalty”). *Vestnik Obshchestvennykh Nauk AN Armyanskoi SSR*, 1971, no. 3, pp. 55–62. (In Russian)
25. Trever K.V. *Ocherki po istorii kul'tury drevnei Armenii (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Essays on the Cultural History of Ancient Armenia (From the 2nd century B.C. to the 4th Century A.D.)]. Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1953. 293 p. (In Russian)
26. Ayvazyan A.M. Geopolitical determinant of imperial prejudices and Byzantine military pragmatism (from the Maurice's Strategikon). *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 12: Politicheskie Nauki*, 2012, no. 1, pp. 25–37. (In Russian)
27. Ayvazyan A. The Armenians and Maurice's Strategikon – Byzantine pragmatism vs. imperial prejudice. *Medieval Warfare*, 2012, vol. 2, no. 4, pp. 33–36.
28. Sheldon R.M. The ancient imperative: Clandestine operations and covert action. *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*, 1997, vol. 10, no. 3, pp. 299–315.
29. Harari Y.N. *Special Operations in the Age of Chivalry, 1100–1550*. Woodbridge, Boydell Press, 2007. 248 p.
30. Sheldon R.M. *Espionage in the Ancient World: An Annotated Bibliography*. Jefferson, N.C., McFarland & Co., 2003. IX, 232 p.
31. Whately C.C. Descriptions of battle in the ‘Wars’ of Procopius. *PhD Diss. in Classics Ancient Hist.* Coventry, Univ. of Warwick, 2009. 394 p.
32. Dupuit R.E., Dupuit T.N. *Vsemirnaya istoriya vojn* [World History of Warfare]. Vol. 1. St. Petersburg, Moscow, Poligon, AST, 1997. 937 p. (In Russian)
33. Udalt'sova Z.V. *Italiya i Vizantiya v VI v.* [Italy and Byzantium in the 6th Century]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1959. 547 p. (In Russian)
34. Toumanoff C. Introduction to Christian Caucasian history. II: States and dynasties of the formative period. *Traditio*, 1961, vol. 17, pp. 1–106.
35. Ayvazyan A.M. *Armyano-persidskaya voyna 449–451 gg. Kampanii i srazheniya* [The Armenian-Persian War of 449–451. Campaigns and Battles]. St. Petersburg, Aleteiya, 2017. 516 p. (In Russian)
36. Nefedkin A.K. Military affairs of the Armenians and Persians in the “History of the Armenians” by Faustus of Byzantium. *Para Bellum*, 2010, no. 32, pp. 21–34. (In Russian)
37. Danielyan A.M. The military reform of Tiridates III of Parthia. *Istoriko-Filologicheskii Zhurnal*, 1974, no. 4, pp. 207–218. (In Armenian)
38. Dmitriev V.A. *“Vsadniki v sverkayushchei brone”*: *Voennoe delo Sasanidskogo Irana i istoriya rimsko-persidskikh vojn* [“Riders in Sparkling Armor”: The Warfare of Sassanid Iran and the History of Roman-Persian Wars]. St. Petersburg, Peterb. Vostokoved., 2008. 363 p. (In Russian)
39. Walker Ch.J. Book review: The Armenians in History and the Armenian Question. By Esat Uras. An English translation of the revised and expanded second edition. – Ankara: Documentary Publications, 1988. – XIV, 1048 p. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1990, vol. 122, no. 1, pp. 165–170.
40. Clive F. The Turkish view of Armenian history: A vanishing nation. In: Hovannisian R.G. (Ed.) *The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics*. New York, St. Martin's Press; London, MacMillan, 1992, pp. 250–279.

-
41. Kuchma V.V. *Voennaya organizatsiya vizantiiskoi imperii* [Military Organization of the Byzantine Empire]. St. Petersburg, Aleteiya, 2001. 426 p. (In Russian)
 42. Barabanov Nikolai Dmitrievich. In: *Vsemirnaya Istoriya* [Human History]. Available at: https://w.histrf.ru/articles/article/show/barabanov_nikolai_dmitrievich.
-

⟨ **Для цитирования:** Айвазян А.М. Армянское войско в эпоху Юстиниана и Маврикия: ответ на псевдокритику // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 191–215. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.191-215. ⟩

⟨ **For citation:** Ayvazyan A.M. The Armenian military under Justinian and Maurice: A reply to pseudo-criticism. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 191–215. doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.191-215. (In Russian) ⟩